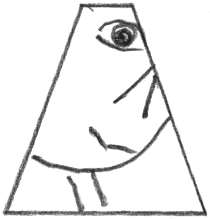


Юрий Орлицкий

ВЕРЛИБРЫ И ИНОЕ

Москва

2009

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц

Главный редактор серии Андрей Тавров

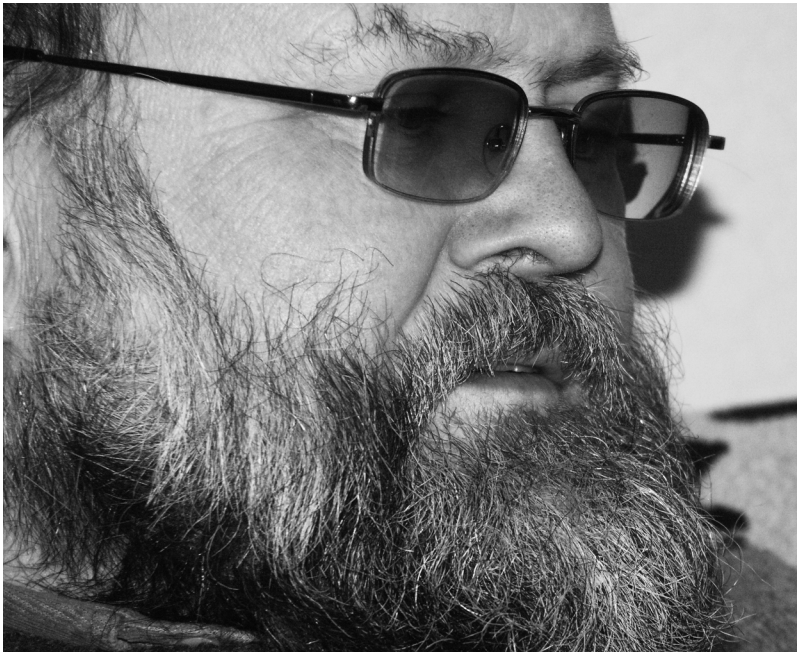
Оформление серии Валерий Земских

Юрий Орлицкий. Верлибры и иное. Книга стихотворений / Серия «Русский Гулливер». — М.: Центр современной литературы, 2009. — 156 с.

Юрий Орлицкий еще в смутные для верлибра времена был для него первым собирателем, этаким Иваном Калитой русского верлибра. И если Владимира Бурича считать основателем московской школы, то Орлицкого можно поставить во главе куйбышевской (самарской) школы свободного стиха.

ISBN 978-5-91627-028-0

© Ю. Орлицкий, 2009
© Русский Гулливер, 2009
© Центр современной литературы, 2009



Юрий Борисович Орлицкий родился 8 июля 1952 г. в Челябинске-40. Закончил Куйбышевский государственный университет, доктор филологических наук, профессор, главный редактор научно-информационного издания «Вестник гуманитарной науки» (Москва, РГГУ).

До 1996 г. жил в Куйбышеве/Самаре, работал в областной юношеской библиотеке, областных и городских газетах, ДК города, центре культуры «Волга». Основатель клуба «Поэзия», Клуба читательской интеллигенции при областной библиотеке и «Поэтического ринга». Организатор и участник 16 фестивалей русского свободного стиха, Почётный президент Всемирной ассоциации любящих Изабеллу.

Как поэт печатался в «Антологии русского верлибра», альманахах и коллективных сборниках «День поэзии» (Москва), «Поэзия», «Стрелец», «Своим путем», «Речитатив», «Время «Ч», «Вчера, сегодня, завтра русского верлибра», «Коломенский альманах», «Итоги века», «Легко быть искренним», «Самое выгодное занятие», «По непрочному воздуху», «Перелом ангела», «Акт», «Черновик», журналах «Арион», «Футурум-арт», «Литературное обозрение», «Аутодафе»; переводил Т. Элиота, Э. Паунда, других американских поэтов.

Автор четырех стихотворных книг.

Юрий Орлицкий еще в смутные для верлибра времена был для него первым собирателем, этаким Иваном Калитой русского верлибра. И если Владимира Бурича считать основателем московской школы, Геннадия Алексеева — ленинградской (петербургской), то Орлицкого можно поставить во главе куйбышевской (самарской) школы свободного стиха.

Если Бурич внес в русский верлибр некоторые черты современного польского стиха, мне приписывали следование брехтовской традиции, то у Орлицкого в собственной практике заметно творческое переосмысление англоязычной (прежде всего американской) современной поэзии.

Вячеслав Куприянов

В свою большую синтетическую вещь «Больной скорее мертв, чем жив», которую лишь условно можно считать поэмой, Юрий Орлицкий включает и верлибры, и конвенциональные стихи, и отрывок из инструкции по использованию огнетушителя, и объявления, и сноски, и даже текст на немецком языке. Я бы рискнул назвать это произведение сверхповестью (Велимир Хлебников, кстати, тоже мелькает среди прочих персонажей, введенных автором в сей трагикомический скетч), выполненной в «смешанной технике», по терминологии А. Очеретянского. Мне кажется, подобные полифонические и полисемантические тексты Орлицкому прекрасно удаются; к тому же являются — в лучшем смысле — современными и актуальными.

Что же касается «обычных» стихотворений Юрия Орлицкого, то наибольший интерес представляют все же именно верлибры, как самая органичная и естественная для поэта форма (сказанное вовсе не означает, что у Орлицкого нет замечательных рифмованных стихов или они удаются ему в меньшей степени, чем свободные стихи; дело тут, возможно, во вкусе и личных предпочтениях пишущего эти строки).

Если бы мне сказали: «Назовите основное качество стихотворений Орлицкого, что их отличает», я бы ответил коротко — лиричность, хотя (в скобках) заметил бы, что им свойственны и афористичность, и парадоксальность, и лаконичность, и точность, и простота; и без труда привел бы в доказательство десятки примеров.

Арсен Мирзаев

Среди мастеров современного верлибра Юрий Орлицкий занимает особое место. Известно, что в становлении каждого инновационного типа письма (а именно таков был свободный стих для официально допущенной советской культуры) практики подчас есть одновременно и теоретики, и идеологи. В русском верлибре было несколько таких фигур, но, пожалуй, только Орлицкий смог, не смешивая работу правого и левого полушарий, в равной степени осуществиться и как практик-объективист, и как максимально субъективный, более того, подчеркнуто обращающийся к интимным, неуловимым переживаниям, движениям души, мимолетным размышлениям тонкий лирик.

Данила Давыдов

Поэзия суть одно из наиболее интуитивнейших дел человеческих, интеллектуал в ней всегда под подозрением. Игровое начало с трудом уживается с исследовательским, они — те же «лед и пламень», но когда же им все-таки удается сойтись вместе, на пересечении возникают изысканные образцы философской лирики. Можно вспомнить Элиота, Паунда или Вячеслава Иванова. Хотя временами и мэтрам приходилось поступаться чем-либо из своего арсенала ради обретения чистоты и точности лирического высказывания. К счастью, известному специалисту по современному свободному стиху Юрию Орлицкому удается без особенного для себя ущерба избегать сциллы неискушенности и харибды наукообразия. ...

Ряд текстов имеет отпечаток сдержанной, суховатой исповедальности, филологическое в них «состязается» с философским, и на основе такого «соперничества» рождается нечто афористически выверенное и запоминающееся.

Станислав Шуляк

Поэзия Юрия Борисовича Орлицкого представляет собой пазл, собранный из крошечных, но самодостаточных фрагментов. Из коллизий этих фрагментов, из неловкого скрежетания, которую они издают при сопоставлении, получается пестрая, противоречивая, обаятельная, порой внушающая хорошо известный страх мозаика.

Она же — обычный мир, рассмотренный через лупу собирателя слов, отменно знающего каждую детальку своего собрания, и видящего в ней то, что неопытному глазу неведомо, недоступно.

Массимо Маурицио

Текст Орлицкого пребывает в пространстве, где «поэтическое» и «актуальное» попеременно высказались и исчерпали свой тезис и антитезис таким образом, что отчетливо проартикулированное оказывается не отброшенным, но снятым, как бы единым со сказанным мимоходом.

И вот: разговор ведется уже о более серьезных вещах и более подходящим для этого тоном.

И еще одно: удивительная достоверность интонации родившегося в пятидесятые...

Сергей Завьялов

ВЕРЛИБРЫ

* * *

мои стихи
отчаянно мечутся

в переходах метро
в переполненных автобусах
на платформах электричек

потом они успокаиваются
и ложатся на обрывки бумаги
и в дорожные блокноты

в залах библиотек
в жарко натопленных вагонах
мчащихся на Восток
на экран монитора
в третьем часу ночи

а потом снова
начинают отчаянно метаться

в тесных подвалах Питера
на дружеских вечеринках
за стаканом вина

надеюсь
и еще где-то...

FOR NO ONE

Кто тут у вас где
Кто при чем
Кто почему

Никого тут нет
Никто ни при чем
И нечего тут
Закройте дверь пожалуйста, не мешайте работать

Девочка грызет печенье
И сочиняет хайку
НИ ДЛЯ КОГО

* * *

Все тише поют птицы
Все наглее кричит ворона
Всех уже перебила
Или кто-то еще
Остался в живых?

Кончается
Лето

* * *

Жаркое лето.

Душит духами соседка в автобусе
Закатывают в дымящийся асфальт духи города

Не спасти ни души
Ни тела

* * *

Жизнь без стихов

Бесконечные коридоры дней
Беспробудная пустота
Ночи

31.12.2000

* * *

Противоестественность
Санкт-Петербурга —
Конгломерата
Метрополитена
И пролетариата

Противоестественность
Московского представления о том
Что это противоестественно

Естество
Травы
И листвы

И там
И тут

ЛЕТО

жара
обостряет запахи

через окно вагона
сменяя друг друга
долетают ароматы
парной воды
зеленеющего леса
горящей помойки
птицефабрики
сероводорода

утром
все как один
выстраиваются в коридоре
и смотрят сквозь пролеты моста
на спокойную голубую Волгу

а накануне вечером
была предзакатная Потьма
щелкающие семечки девки с пирожками
дети с кульками черники
милиционер с мобильником
обнимающий за плечи
девчонку в красной кофте
медленно уводя ее в лес
за сельмагом

лето...

ЧИТАЯ «ВРЕМЯ «Ч»

1.
чистые руки —
до первой капли
крови

потом — не отмоешь
и не отмолишь
никакой
царской
водкой

даже слезинкой ребенка

2.
самая-пресамая политика —
не замечать их политики
не спорить и не соглашаться
с ними

например,
отнимать у цветка аромат
и возвращать обратно
не замечая
что это —
аромат крови

вот за это они тебя
самым первым
и уроют
(как они говорят
у себя там).

20.2.2001

* * *

Набираешь «100»
И слушаешь
Как в трубке шуршит
Время

Через минуту
Ему дают отбой
И оно умирает

* * *

Разбегается по лысым холмам
огненная шкура дракона

В такие ночи умирают
в своих одиноких домах
больные

Как удар огненного хвоста
короток путь от эпиграфа к эпикризу

Заверни в фуросики печаль,
отнеси в далекие горы
оставленной умирать матери

Только сам не умри
по дороге...

ЛАТВИЯ, 1989

Голубое, высокое небо над утренней
Латвией,
Розовые и гладкие — словно пенки на
молоке —
облака
над весенней Латвией,
Светлы и тихи озера,
а под ними
Звенят в прозрачном воздухе утра
струны берез
Но:
Темна вода в придорожных
болотцах,
Словно раненые, стоят над ними
холмы
Прошлогодней травой обгоревшей
покрытые,
Снег не растаявший
Лежит островками
В звонком
лесу...

СОН И Я

во сне
слетать в будущее

чтобы увидеть
когда и как
умрут
мать и отец

чтобы сразу забыть это,
но долго потом испытывать
бесполезную,
щемящую нежность
к ним

потом
можно навести справки
и о себе...

* * *

Надо готовиться к смерти...
Д. Самойлов

первая рубашка —
розовая
или голубая

последняя,
говорят, —
белая

если сможете,
назовите еще два оттенка

хотя бы...

* * *

светлая ниточка на одежде
означает
светловолосого ухажера

темная —
темноволосого

а без-
волосого?..

* * *

Ах, она мне здесь
на земле нужна
Из письма Тютчева
по поводу смерти Денисьевой

Почему лукавил
лучший русский поэт,
переходя на фальшивый в его устах
кольцовский ритм
(это и выдает) —

сочиняя это письмо
для своего шестого тома
и, наверное, думая
при этом:

«А зачем — нужна?..»

шелестит листами старость,
общая для всех,
скучная,
как стихи восемнадцатилетних...

ПРО УДАРЕНИЕ

Чудны дела твои, Господи

Чу́дны
Или чудны́?

Чу́дны дела твои:
Столькими чудесами украсил
И ежедневно украшаешь
Ты мир...

Чудны́ дела твои:
Не устаю удивляться
Как странно, как чудно́
Устроил ты этот мир
Чудны дела твои Господи

Чу́дны
И чудны́

* * *

Приближенье последней зимы.

Ослепительно черная собака
На пестром снегу
За грязным окном вагона
Утром

Кез,
Кажется

(Такая станция,
На пути в Пермь)

Середина
Ноября...

МОСКОВСКАЯ ГЕОГРАФИЯ-2

в центре Москвы — офисы, банки, магазины, музеи.
дальше по радиусу — заводы, ярмарки, склады,
еще дальше — больницы, больницы, больницы...
кладбища,
парки,
поля...

* * *

Люблю себя
Потому что узнаю в себе
то мать
то отца
то деда
даже бабушку,
с которыми рос.
и которых продолжаю любить
Каково живется тем,
кто ненавидит своих близких?

* * *

«Голубке Машеньке» —
надпись на книге

где ты теперь, Машенька —
только голос в телефоне остался

стихов не пишешь

книга
лежит у меня на столе.

* * *

поздно вечером
возвращаюсь домой в метро
читаю стихи —
свежий кузьминский «Воздух»

справа — свирепый бритый мужик
слева — миролюбивая на вид тетка
читает не то порнуху не то ужастик

складываю журнал в потертый рюкзачок —
доехать бы живым
до дома...

* * *

в московском метро
пахнет сытно:
пирогами
пивом
иногда даже коньяком

в питерском
не пахнет ничем
чисто и пусто
хорошо читать
и думать

КРАТКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ МУЗЕЯМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Дом Блока
постоянно зябнет
от дыхания близкого залива

В доме Ахматовой
вечно толкутся молодые поэты
и немолодые тоже

Собираясь в дом Набокова
приходится брать на прокат
фрак или хотя бы смокинг

Дом Тургенева
Всегда полный гостей
Все равно стоит где-то на отшибе

Так и видишь беднягу Некрасова
стоящим на балконе
аккурат напротив парадного подъезда
подышит — пойдет гулять
на Сенную

Музей Державина
(вид с Фонтанки)
Тут все так спокойно и неторопливо
Noblesse oblige, понимаете,
вельможный век...

Музей-квартира Бродского
(ИИ, а не ИА)
Если бы это был музей этого Бродского, а не того, я бы сказал так:

Искуснику Бродскому
Самое место на площади Искусств
Впрочем, искусственнику тоже

МАЙ В ПЕТЕРБУРГЕ

Диме Григорьеву

Насквозь промокшая
пачка газет на поребрике
май в Питере

Сереже Смолякову

Прямо на глазах
темнеет трава
под майским дождем

Арсену Мирзаеву

Невидимый ветер
Качает ветви за окном
шевелит занавески

* * *

Тихая вода
Белая песчаная колея вдоль леса
Тихая земля

Сквозь деревья
Темно-розовым пожаром
Вечернее небо

Тихая вода

Тихая земля —
Кладбище
На опушке лес под березами
Тихие березы

Тихая вода

Тихий поселок
Десять вечера —
И ни одного огонька в окнах
Только инвалид на коляске
Переезжает с протянутой рукой
От машины к машине
На тихом железнодорожном переезде

Только утром
Сумеет он купить на выпрошенные деньги
Свою дежурную бутылку
В этом сонном поселке

Огонь уже прямо здесь, в окнах
Тихого станционного домика
Поезд медленно тормозит
И останавливается прямо напротив
Отраженного в мутном стекле
Красного шара

Интересно
Как переводится с мордовского на русский
Потьма

Не тихая ли вода?

* * *

Черный жук чемодана
Напрягся, готовый взлететь

Лето настало

* * *

Когда они живут, эти люди?

Вечером
во всем поселке
ни огонька

Утром
на улицах и перронах
ни души
только собаки и куры

Неужели именно так
transit
человеческая
слишком человеческая
жизнь?

В МЕТРО

look at all the lonely people

Две оранжевые женщины
сильно за сорок
Медленно ползут по эскалатору
с мокрыми тряпками в руках
Как любимого мужчину
обнимая каждый фонарь

* * *

посвящается Ч. Дарвину

боюсь огня —

шага,
сделанного древним человеком
к костру
до сих пор
не повторил

боюсь воды —

на отчаянный прыжок
совершенный на берег
обезумевшей рыбой
уже решился

но больше всего
боюсь людей

особенно тех
что прошли
огонь и воды

* * *

Не спи на закате,
Пожалуйста, не спи!

Понимаю, поезд так укачивает,
Ночь позади бессонная,
Дорога впереди долгая.

Все равно, постарайся, не спи —
В этом сне,
Одновременно тревожном и сладком,
Многие остаются навсегда,
Забывая проснуться.

За моим окном —
Сонная станция Уре́нь (или У́рень)
Вся залитая закатным летним солнцем

Серые старые домики
Пыльный газик
Цветущие яблони

Пожалуйста, не спи на закате —
А не то превратишься
Не в Урень, так в Урень

* * *

Ты всегда
Прибегаешь откуда-то сверху

Сначала слышится торопливый топот твоих туфелек
А потом появляешься и ты
Каждый раз растерянно улыбаясь

Это происходит
Примерно один раз
Каждые три года

И мы идем пить чай
В вашу убогую обеденную комнатенку в полуподвале
Разговаривая под удивленными взглядами новых сотрудниц —
Как будто расстались только вчера.

Наверное,
Только такой она и бывает
Любовь.

ГОРОД НЕЛЮБВИ

1.
В этом городе
живут некрасивые девушки
и озабоченные женщины
из них мало кто
умеет улыбаться
почти никто
не любит мужчин
даже своих
даже тех,
с кем они по-детски
держатся за руки
под столиком в ресторане

никто не целуется
на улице
как будто здесь всегда осень
даже весной
и бабьим летом
как сегодня

2.
Третья столица
звучит примерно так же
как третья молодость
или третья свежесть

проплывают
за дождливым стеклом
чужие посторонние лица

другая
третья жизнь

3.
в конце гастрономического журнала стол
помещены цены
на временное жилье
в этом городе

трудно понять
что пугает больше
возможный ночлег за 250 рублей
в одной из 54 комнат
А-класс отеля
на улице Шаумяна

или цифра 69.950
против Атриум палас отеля
на Куйбышева...

* * *

...Слова спасителя нашего,
сказанные им на нашем кресте,
сделанном из нашего лучшего, отборного дерева
нашими лучшими мастерами
в известной на всю страну мастерской
по производству крестов
с применением наших новейших технологий
(особенно хотелось бы отметить
высочайшее качество
наших гвоздей, копий и губок)

...Отче, на кого ты меня оставил...

(и что, спрашивается, его опять не устраивает?)

НОЧНАЯ МУЗЫКА

Скрипят ворота
Или
Кричит птица
Шаги
Или
Шум трамвая
Кто-то проводит смычком
По натянутым
струнам
Тишины.

* * *

...Особенно зимой,
когда незнакомый ночной город
так неприветлив и холоден,

а он один
выходит вдруг из трамвая
на необъявленной водителем
остановке

всегда боишься за него,
не зная,
куда же он идет,
этот чужой человек...

* * *

Природа дала мне речь,
Чтобы я
Научился молчать.

Дала мне слух —
Понимать тишину.

Дала руку —
Спокойно лежать
На твоем сердце.

* * *

Твои пальцы
Мечтают
О клавишах фортепиано.

Рука
Напряженно дышит,
Лежа на желтом столе.

* * *

Ты уходишь.
Твои шаги гаснут
в ступенях лестницы.
Твое лицо
растворяется в черной вечерней улице.
Твое тело
становится черной точкой
в блестящей черной воде
зимнего неба.
И только потом
Уходит твой голос.
Сказавший: «Нет».

* * *

Нет музыки.
А город
Пахнет дождем —
Запах,
Знакомый с детства,
Которого уже не помнишь.

В черном
Блестящем городе
Надрывается
Последний осенний грач.

Нет музыки.

* * *

Люди думают,
Что,
Заглядывая
В их окна,
Я хочу видеть
Их лица.

Мне же
Просто необходимо зеркало.
Чтобы причесаться.

ФОЛКНЕР

Могильная плита
Или ладонь матери?
Серая книга,
Которую я
Только что прочитал.

Единственный собеседник
За двадцать с лишним лет
Непрерывной дневной болтовни

* * *

Я никогда не удивлялся
Шуму прибоя
В морской раковине.

Я привык слушать,
Как шумит пустой город
Ночью.

КОММЕНТАРИЙ ПЕРЕВОДЧИКА

О многом задумываешься,
Листая большой англо-русский словарь:
А что,
если вовсе не случайно
одними и теми же
                словами
обозначены здесь
девственность и незрелость;
смысл и чувство;
власть и сила?..

* * *

Старые письма
Обжигают пальцы.
Старые фотографии
Сжигают глаза.

Когда-нибудь
Я пойду по земле
Слепой
И безрукий.

* * *

Полуразрушенная
Мраморная плита
валяется на свалке.
Из длинной надписи
на ободранном боку
одно слово осталось
«забвения»...

Наверное,
это о том,
что его
нет!

* * *

О ночь!..
Горячей щекой,
Прислоняюсь к стене
И жду...

* * *

Ты живешь около вокзала
И каждую ночь слышишь,
как уходят
Поезда

Под моими окнами
Редко-редко
Шелестят полночные шаги
И шины.

Между нами —
Пять остановок трамвая.
Так и живем с тобой
В разных концах
Ночи.

* * *

Черный троллейбус
Стоит, наклонившись,
на обочине
ночной дороги.
Пусть тебе никогда
не будет
так одиноко.

* * *

умер
Бурич

абсолютно бессмертным
казался
и вдруг:
умер

на сколько тысяч отсеков
потопляемее стало
наше судно

ЗЕЛЕНЫЙ ЛИСТ

(*Мотив Луиса Жуковского*)

Этому зеленому листу
Суждено пережить зиму:
Он надежно укрыт от ветра
Старой каменной стеной
И другими листьями,
Растущими ближе к ветру.

Этот лист переживет холода,
Но он никогда в жизни
Не будет так близок
К библейски-черному небу
И желтому кулаку солнца,
Как его братья,
Которым суждено умереть.

Может быть,
Он еще поймет это
Зимой?..

* * *

Беззаботной птицей поет Вивальди
В деревянной клетке органа:
Весна, Лето, Осень, Зима, Весна...

ПЕРЕВОД ИНСТРУКЦИИ

PLAY

по-английски — «игра»
по-русски — «рабочий ход»
это вопиющее несоответствие
лучше не комментировать
прежде всего
из соображения
личной безопасности

RECORD

абсолютно красная кнопка:
нажмешь ненароком —
и сотрешь из памяти
пять лучших лет жизни

а не нажмешь —
все равно
жизнь станет короче
на запись

PAUSE

останавливает мгновение

спустя несколько секунд
начинает раздраженно комкать пленку
и портить изображение и звук

FAST FORWARD

с помощью этой кнопки
можно перемотать жизнь до конца
и увидеть финальные титры —
тут главное
ни вчитываться в фамилии

как струну натягивает капрон ракорда

REWIND

любимая кнопка:
кому не приятно
пробежаться по прошлому
останавливаясь на самых приятных минутах
увеличивая и смакуя
и каждый раз убеждаясь
что все было совсем не так
не там
не с теми...

STOP

эту кнопку
необходимо нажать
в самом конце

но когда включишься снова
именно над ней
будет гореть индикатор

EJECT

обычно совмещен с кнопкой STOP
выбрасывает кассету
которая в эту минуту
что-то грустно напоминает
своей продолговатостью и прямоугольностью...

Говорят
бывают и другие кнопки

* * *

Стать вон той ослепительно белой фигуркой
Спускающейся по черной ладони шоссе
Впереди в лунном свете

А потом — уже ближе — черной фигуркой
На фоне серебристо-белых кустов

После этого
Можно...

В РИФМУ

* * *

Как долго горят эти старые письма
И кружевом черным ложатся на снег;

Сожженные осенью горькие листья
Кружатся над снегом, как птицы во сне.

Вчера еще грели они и ласкали,
А нынче — и в пламени еле горят;
В прощальном костре, в черно-алом
оскале
Они ни о чем уже не говорят.
Что вечным казалось — прошло
и забылось:
Так, хочешь — не хочешь, а время идет.
Ты вместо «люблю» говоришь мне
«любила»,
А время — не дремлет, не медлит,
не ждет.

Кружится зола над ночным пепелищем,
А в сердце — не боль, а одна пустота,
Но пламя пока еще тлеет и длится —
Пока еще есть у него пол-листа,

А там — и конец. Возвратимся под крышу
И музыку черную пустим кружить,
Чтоб память не вспыхнула пламенем
рыжим,
Чтоб новым, еще не законченным, жить.

* * *

И если друг тебе Платон,
Но все же истина — дороже,
Платону расцарапай рожу —
Пусть неутешен будет он.

Рыдает пусть, пусть проклянет
Все лучше, чем, дитя испуга, —
Полулюбовь, полувранье,
Когда ни истины, ни друга.

* * *

Вот, наконец, и расставлены точки,
Кончены книги, допито вино.
Мир приобрел простоту и устойчивость.
Все переписано. Все учтено.

Все, наконец, отыскало хозяина,
Выдано всем по игрушке живой.
Кончились ливни, и пальцы озяблые,
И электричек пронзительный вой.

Кончились ночи и окна, раскрытые
Ветру, и людям, и каплям дождя...
Все позади: и ухабы, и рытвины —
Вверх по бетону машины скользят.

А у обочины — пьяным оборвышем,
Так безнадежно поднявшим ладонь —
Прошлое ваше, такое заброшенное,
Счастье, которое было до.

* * *

Кукурузное поле под тусклым фанерным
дождем,
Лес, угрюмый и мокрый,
за сизым бордюром тумана...
Мы — вдвоем с вдохновением —
смотрим в окошко и ждем.
Может, что веселей
нам подбросит стальная прямая?
Но — увы! Неуютно, и сыро,
и скучно вокруг;
И ничуть не приветней
стоят городские кварталы
И туман, как болезнь,
заползает в раскрытую грудь
...Это — осень. Воронеж.
Последний приют Мандельштама.

* * *

Молчал, скрывался и таил,
Потом набрал чернил, заплакал,
Как будто двери растворил
Холодным уличным собакам.

И в песью шерсть уткнувшись лбом,
Забыл одно, другое вспомнил,
Шептал неслышно про любовь,
Запутавшись в потемках комнат.

Упал на жесткую кровать,
В пустую ночь поклон отвесил,
И уносились прочь слова —
Обломки порожденных песен,

А утром хоровод листов
Подняв неторопливо с пола.
Порвал страданье, скомкал стон,
Оставил — чистоту и полночь.

ПАМЯТИ ПОЭТА

Этот тусклый дебаркадер
Над мерцающей водой
Жизнь, застывшая, как кадр,
Ставший смертною бедой.

Стонут лавки на причале.
Сходни старые скрипят,
Строчки гнева и печали
В глотке хрипнущей хрипят.

Где там Тотьма — зелень-горы,
Под горами — монастырь?
Грязный город, пьяный город,
У него душа — пустырь...

И в пустых, продутых ветром
Узких улицах его —
Все комбеды, сельсоветы,
А людского — ничего.

И бредешь ты, злой и пьяный
Пьяной Вологдой чужой
По хмельным ее бурьянам,
Перепаханным межой...

* * *

...И вольный сон,
и Мандельштам шуршит
В твоих, еще девичьих, пальцах.
В какие забрались мы
камыши,
Как трудно будет
просыпаться!
Зеленая, тягучая вода
Дробит в себе пространство
голубое.
И отражается в ней сладкая беда:
Как тяжелеет взгляд любовью.

ДОРОЖНАЯ ДУМА

К этой заброшенной станции в черной зиме, —
Вот уж поистине необъяснимо без «рода недуга», —
К этим перронам, холодным и белым, как смерть,
К залам заплеванным, что — для томления духа,
К праздным знакомствам и скучным беседам в купе,
К мерзкому чаю в казенных железных стаканах, —
Чувствую нечто, чего не сумею воспеть,
Но от чего ни за что отрекаться не стану.
...И — как закрутится вдруг разговор после двух!
Как загорится рассвет над похмельным поселком!
Как высоко подниматься, чтоб ехать в Москву
Старым почтово-багажным, как «волок да волок да...»

* * *

Сезон лысеющих лесов,
Сосущая тоска пространства...
А жизнь прикидывалась странствием,
Раскручивала колесо.

Глагольствовала и лгала
И свод сырой крестила синим.
Вот Бог тебе, а вот — Россия:
Закопана по купола.

Приют у мира на краю,
Простор твой вынужден — не нужен.
...Оглянешься на колею —
Лишь листья ржавые по лужам.

* * *

Ау, грохочущие дали,
Швыряющие поезда;
Укатанная поездами
Себя забывшая руда;
Тревожный перезвон конструкций,
Пространств зияющая пасть —
Над пропастью равнины русской,
В которой запросто пропасть...

* * *

Год ли пройдет, или два, или три —
Неторопливы, как ссыльный Овидий:
Утром проснешься, а вместо зари
Черное небо на небе увидишь.

Год ли пройдет, или три, или пять —
Обыкновенные, не световые:
Вскинется время и кинется вспять,
Грудью сшибая столбы верстовые.

Год ли пройдет, или пять, или сто —
Выйдешь на улицу, взглянешь напротив:
В позеленевшем от века пальто
Я все смотрю из твоей подворотни.

* * *

Хриплым голосом выдавив пошлое «буду с тобой»,
Тетивой натянулся ракорд на японской кассете.
Видишь: нас, на рассвете, мычащих, ведут на убой;
В мутно-серой воде нам, молчащим, расставлены сети...

А ведь есть и такое еще: не мычать, не молчать,
И уже растворившись почти в невесомости неба,
Только слышать, как зверь, матерясь, отбивает седьмую печать,
И заносит, заносит, заносит, заносит нас снегом...

* * *

Словно в черную прорубь, спускаюсь в последний роман.
Обжигает лицо — не понять еще, снег или пламя.
Надо мной, как волхвы, наклонились чужие дома,
В черно-белом пространстве качая косыми углами.

Как из этого города славно и долго видать:
И вперед, и назад, и туда, где курчавится Лета.
Там твои отраженья глотает маньячка-вода,
Отраженная в небе мерцающим огненным светом.

Пахнет железною рыбой блевотины
В мерзлом составе «Столица — Тамбов».
Нищая, пьяная, рваная родина —
Но и такой? — к черту эту любовь!

Слепишь глаза летаргией блокадною —
Глянь:
поэт Витя Зуев юродливо крестит рот между зевком и рюмкой;
поэт Макаров-Кротков, лежа рядом в траве, бесконечно вспоминает
    остров Готланд, опрокидывая в перерывах стопку, захватанную
    картофельными фингапринтами;
его жена поэтесса Стелла достает из мокрого полиэтиленового мешка
    следующую картофелину;
а поэтесса Юля уныло виснет на руках еще двух поэтов посреди
    Страстного бульвара —
Впрочем, последнее — уже не сон, а воспоминание...

«Мичуринск,
сдавайте белье!..» —
сквозь мутную полночь
матерится
симпатичная сероглазая
проводница —

ей 25,
и она еще мечтает родить,
поэтому не ходит
3 км за углем,
и бабки в вагоне
загинаются от холода,

а ведь могли
ехать
как господа! —

Но и такой, да?
И такой?..

За что, сука?..
За что?!

* * *

Люд русский жил с Христом, пока, тщеславье нежа,
Не воцарились: нерусь, нехристь, нелюдь, нежить.

Не возвратить мелькнувших верст и суток —
Рассвет наш был кровав. Закат наш будет жуток.

...И некому отобразиться в них

* * *

В Ковылкино брешут собаки,
Весь потом плацкарт провонял,
И криком пугая бараки,
Рванул, увлекая меня.

И долго над сонной равниной
Сквозь свист переездов пустых
Он будет стальной домовиной
Лететь, запинаться и стыть

А там все и кончится: поезд,
Отчаявшись в сетке путей,
Нырнет под откос, упокоив,
Впаяв в жестяную постель.

* * *

С каждым годом весна все трудней и больнее дается.
Вдруг слетаются тени, но светит сквозь них пустота.
Хочешь что-то сказать, только слово губам не дается,
Будто скотчем, пытая, подонок заклеил уста.

А захочешь любить — перехватит и речь, и дыханье,
И рука не поднимется стакнуть глагол и добро.
Будет жизнь выходить через горло плохими стихами,
И как нож в позвоночник, колоться сквозь кожу ребро.

Остается — прожить, промотаться, проспать, проработать,
Проболеть до конца, чтоб очнуться в песке у реки,
Оглядеться вокруг и увидеть опять беззаботный
Мир измученных тел, как в могилы, зарытый в пески.

...Но и лето пройдет, лишь теплом, как пером, пощекочет,
Грязной слякотью листьев свой ветреный пир завершив,
И, закутавшись в плед, ты уже ничего не захочешь —
Даже смерти у моря, в провинции дальней, в глуши.

Глядь — и осень: пора отрезанья ломтей по живому —
Так что кровью намокнет мальчишник в толстовском саду,
И на яблоки графские свалится тщетное слово,
И в овражек, под горку исчезнет — нам всем на беду.

1 марта 1997 г.

* * *

Дно. Семь утра. Замызганный вокзал.
Июль. Велосипед. Вороны. Небо. —
Для рифмы пригодилась бы коза,
Но вот козы, я точно помню, не было.

А был м и л и ц а н е р. Под фонарем
Сидел, ногой болтая, на заборе —
Наверно, ощущал себя царем.
Я сквозь окно сочувствовал обоим.

И пахло: кофе, шпалами, травой,
Цветущей, утром и вокзальной пылью,
И перисто-покрытой синевой,
В бездонность вперившей глаза свои слепые.

Да, было все исполнено очей,
Наполнено, заполнено очами,
И зоркий взгляд — не догадаться, чей —
Светил сквозь зелень строго и печально.

А поезд все томился на путях
На самом Дне империи вчерашней.
И не заснуть. Велосипед в лаптях.
Зеленый взгляд. Звезда на драной башне.

И — слава Богу, тронулись. Строфа
Закончена. Пора готовить точку.
Вот и коза. Все правильно. Все фа-
тализмом преисполнено. В цветочек.

Дно, 10 июля 1998 г.

ПОСЛАНИЕ К ЕВРЕЯМ

Перифраз на одноименное сочинение апостола Павла

Страшно впасть в руки Бога Живаго —
Но не тем же, кто, веру храня,
Были крепки в бою, и в отваге
Ожидали суда и огня,

Испытали мечи и побои,
Пережили неправедный гнев;
Все, скитаясь, обили пороги —
Что же сделает вам человек?!

Имена обветшали, как ризы:
Исаак, Моисей, Соломон, —
Но крепки стали зубы, что грызли
Твердый хлеб, распростясь с молоком.

Будьте ж щедры и страннолюбивы,
Ибо ангелы есть меж людьми, —
Побиваемы, но не убиты —
Благодать будет с вами.
Аминь.

Январь 1999 г.

* * *

Я написал послание к евреям
И в ту же ночь почувствовал сквозь сон:
Легли на горло пальцы брадобрея
И задрожали с горлом в унисон...

НОЧЬ И УТРО

1.
Из колоды страны тащит тощую карту маршрута
Желтоглазый беглец, наклоняясь от рельсов — к домам,
И от боли кричит — кто ж не слыхивал вопль этот жуткий,
От которого самые психи съезжают с ума.

Вот он в город влетает, слегка тормозя у платформы,
Вот насквозь протыкает девический сон деревень,
И горит его взгляд суицидно-последней конфоркой
Сквозь сплетенье густое огней, проводов и ветвей.

2.
Елки на простыни. Съеденный сахаром лес.
Медленно мчится за окнами белая жизнь.
Солнечным утром нисходит хвалимый с небес —
Будто сквозь пальцы песок, озираясь, бежит.

Кто виртуозно пристроил тот домик вдали
И сдирижировал в небе мельканье стволов?
...Пасха Господня. Урал. Чудно бел Его лик.
Музыкой дали звенят, и на сердце — легко.

20 апреля 1998 г.

* * *

1.
Этот город сквозит на ветру бесконечной цитатой,
В ней чужое «уйдешь — я умру» — но уже невозможно остаться.

В музыкальный пустой магазин, пьяный горечью пива чужого,
С мокрых улиц вбегаю один, как Назон от цикадного зова.

...Этот город за черным окном снова мокрою манит прохладой,
Это было настолько давно, что не былью уже — лишь балладой.

Этот город к окошку приник, тускло светит названием.
Дверь замкнул и заснул проводник. Лишь стаканы позванивают.

2.
Этот город сквозит на ветру бесконечной цитатой,
В ней «уйду как умру» выдает невозможность остаться.

Как он льстиво красив, как он ласково входит под кожу,
Но не друг и не гость я ему — я здесь просто прохожий.

Надо встать и стряхнуть этот сон, приближающий старость,
И погаснет лицо за стеклом, и замкнется цитата...

1996–1998 гг.

ДОРОЖНАЯ СЦЕНКА

Американец апельсины жрал
И гоготал, как лишь они умеют.
Мужик горластый, думая, что немец,
Ему про день победы объяснял.

«Цвай армиен» — он тыкал пальцем в даль
И ждал капитуляции вторичной.
Американец, ко всему привычный,
Ему кивал охотно: йес, мол, да.

Наш ждал настойчиво, что Гитлер их капут,
Что немец, как в кино, поднимет руки,
...А поезд, выдавая перестуки
Катился сквозь древесную толпу.

1999 г.

* * *

Как разбежавшийся поезд ныряет в тупик
И разбивается лбом о щербатый бетон,
Так и меня в этот город приводят пути,
Те, о которых не вспомнить, не вздрогнув, потом.

Неотвратимая родина предков. Мертвящий покой.
Пахнет навозом твой воздух удушливо-злой.
Стынут мосты над сверкающе-мертвой рекой.
Тянет тоска — не в петлю, так в стодневный запой.

Прах штукатурки и пыльные лица вокруг
(Вот ведь нашел эвфемизм ты для пьяных мусал!),
Словно пустыня, пылит заколдованный круг,
Он, как засосенский рынок, тебя засосал.

1999 г. Елец

* * *

Любви, казалось, длиться целый век,
Надежды сладкие всех посвели с ума,
И тихой славы жаждал человек —
Увы, недолго нежил нас обман!

Исчезли юные — взгляни по сторонам,
Забавы кончились — захлопнулся роман.
Как сон рассеялись слова и имена —
Как сон, alas, как утренний туман...

Четырехстопный ямб мне надоел...

10 июля 1998 г.

* * *

Жить, скажем, в Пскове; кончить, скажем, пед
И получить, к примеру, направленье
В какой-нибудь забытый богом Гдов,
В Опочку, в Остров, в Дно, а то и глубже —
В малокомплектную, к примеру, восьмилетку
Аж за Святые, извините, горы,
В сельцо Михайловское, знаете ли, в край,
Где Сороть голубая и т. д.,
И там сражаться каждый день со стаей
Преступников тупых и малолетних,
Растить картошку, завести курей
И скоро позабыть литературу
Как класс...
А впрочем, все кропать стишата
И вспоминать, как сам на третьем курсе
Вдруг написал лихую эпиграмму
На отставного старика майора —
Гэбэшника, который по старинке
Преподавал историю КП-
СС, всегда усердно опираясь
На краткий курс истории ее,
И получив, как водится, за это
Билет известного всем цвета и запрет
Почти на все профессии на свете,
Но так же рваться в Петербург, в Москву,
Да хоть во Псков, где ждал коллега Пушкин,
Пославший няню с кружкой в гастроном, —
Но тщетно: куры, дети, выпускной
Восьмой — три дуры, два головореза,
Едва умевшие слагать и вычитать,
Жена из местных, теща, долг колхозу —
О кто бы ведал, как она печальна,
Поэзия российских деревень...

На старости сподобиться, однако,
И выпустить — считай, за счет колхоза —

Стихов брошюрку «Мой родимый край»,
Воспев жену, колхозных бригадиров,
Родную Сороть, слякоть, курс ЦК,
Выпускников своих — с эпиграфом «о племя...»
И гордо напечатать на обложке:
«Отличник наробраза, Александр
Сергеевич — во как совпало! — Пушкин.

Да, жизнь прожить — не поле перейти,
Особенно в такой стране, как наша!

1999 г.

ПАМЯТИ ГЕНРИХА

САП-
ОГ тот самый который отец до войны на Алтае тачал;
который овсеев солдат в 43-м оставил на разбитом
войной полустанке другому солдату,
а ты подобрал через двадцать лет, перевел, но об этом
лет двадцать еще никто не узнал
ГИР —
Я тела, упавшего наземь, на землю, на пол троллейбуса,
главного беса всех троллей московских, везущего
каждое тело в депо переправы, но

ГЕН
(в том смысле, чей сын ты, чьи гены в тебе, чья ты
песня) и-
РИХРИХРИХРИХ —
птичья песня, в которой душа воспаряет из мира от мира в
слова а потом вместе с ними в словарь где ближайшее слово —
немецкое
Ritt,
дальше —
Ritter,
потом —
Ritterlich
Ritterdienst
Ritterlichkiet
и
Ritter fahrender,
а после —
Ritter von der Ahle
Ritter von der Feder
(по-русски сказать — Easy Rider,
а то еще Вальтер фон дер Фогельвейде)
Ritter ohne Furcht hoch und Tadel
Ritter von der traurigen Gestalt
ГЕНРИХ
САПГИР

* * *

Черный Мебиус вынес тебя из глубин на пятнистом от пяток
своем языке,
Обернув твое тело волной виндусового теплого неба,
И до первой плывущей из бездны улыбки твоей я умел еще жить
от тебя вдалеке,
Только с каждой ступенькою делалось это трудней и больнее.

Ну, теперь, чтоб чего не сказать, помолчим — мы с тобой
не умеем молчать — все равно помолчим
И прижмемся к друг другу — как первая эта минута уже
запечаталась в память,
Так что дальше в коробочке зренья не могут без стонов ломаться
лучи,
Да и дальше не будет, поскольку рассыпалась жизнь, как песок,
под твоими руками.

А осталось, останется — только мозаика, мрамор, гранит, старый
брошенный кокон,
Из которого, будто из рук моих, ты улетела, порхая, к горячим
морям,
Автомат жестяной, из которого пенится мутно железная
бурая кола,
И незрячий отныне ларек «моментальное — будто бы — фото»,
и долгая, сладкая мука моя...

МОСКОВСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Курская, Таганская,
Чеченская, афганская...

Лубянка,
пересылка,
Полянка,
могилка...

ДЕЖА ВЮ

Рукою запущена меткой,
Слегка наклонив фюзеляж,
Над Волгой жужжит авиетка,
Сканируя солнечный пляж.

А я в коридоре железном
К дорожной двери прислонясь,
За ней, стрекозой бесполезной,
Слежу среди белого дня.

За окнами — черная полночь,
Вагон подъезжает к Москве.
...Но солнце, и Волга, и волны,
И призрачный зимний рассвет.

Ноябрь 2001 г.

* * *

Канцер в панцире железном
Доедает тетю Зину —
Зинку, мамину сестренку
(Семь десятков с небольшим)
Мама плачет, собираясь
Вместе с братом Николаем
В недалекую деревню
На шести перекладных.

Канцер в панцире жестяном
Растопырил лапы-клешни
В старом домике убогом
На окраине села —
Там, назад тому полвека
Понастроили коттеджи
И «Черемушки» назвали
Ряд коттеджей (как в Москве!).

Канцер в панцире консервном
Зенки выпялил по-рачьи
И глядит на миг убогий
Как хозяин и злодей —
Плачет мама, плачет дядя,
Плачет Зинка вместе с мужем,
Плачут Зинкины детишки
(Им за сорок) в городке.

...А ведь прежде этих раков
Я ловил в воде холодной
И варил в воде соленой,
Так что скоро камуфляж
С них сходил, и превращались,
Опустив усы и клешни,
Боевые крестоносцы
В опереточных чертей

Мы им клешни обрывали,

Мутным пивом запивали,
И любили шейки рачьи
Пососать — посмаковать...

Но возмездие приходит,
И сегодня страшный канцер
Больше не закуска к пиву,
А ужасный великан.
Шевелит себе усами
И тихонько доедает
Тетю Зинку, то есть Зину
В тех Черемушках ее.

Мама плачет, собираясь
Вместе с братом Николаем
В недалекую деревню
(От Москвы — часа четыре,
На автобусе — все десять,
А на поезде и сутки
На шести перекладных...

НОВЫЙ ПСКОВ

Княгиня Ольга кисти Церетели
с мечом в одной руке, с крестом в другой
(точь-в-точь как враг вчерашний — крестоносец!)
стоит и охраняет казино
на первом этаже просторной Рижской
где вечером, едва закроешь двери
звонят девчонки
предлагают секс

...так ямб, проникнув в прозу
ее движенье плавно замедляет
так жизнь проходит.

* * *

Серый воробышек мертвый, лежащий в пыли у помойки
Тельце твое облепили ужасные синие мухи —
ты их и при жизни боялся (как видно, не зря).
Что же случилось? Обычная смерть от инфаркта, инсульта,
от птичьего гриппа? — навряд ли! известно:
Мелкий зверек до нее доживает не часто — особенно если на
воле.
Да и какое-то место на тельце особенно нравится мухам:
Ранка, наверное, с высохшей капелькой крови на перьях.
Кто же убийца твой: черная злая ворона
(она и сейчас надо мною кружит и горланит)? —
Вряд ли она: что в тебе ей, огромной — ведь даже не съела...
Хищница, может быть, кошка — крадется она вдоль забора,
Прячется в чаще травы, что прыгнуть оттуда внезапно? —
Вряд ли и эта: она, если б все-тки тебя и поймала,
Всласть бы с добычей своей наигралась, натешилась вдоволь,
Тельце твое раскромсав. — Это кто-то другой, и скорее всего —
твой собрат, воробей сизокрылый,
Может быть, даже по крови родня,
обладатель такого же нежного сизого тельца...

Грустно, о Лесбия, жить, умирать же намного грустнее,
Ну а печальней всего — созерцать эту вечную смерть на
помойке!..

НЕТЛЕННЫЙ ВЕНЕЦ

(*на мотив Сладкопевца Романа*)

...И внезапно труба возвестит нам Его появление звуком,
И пробудит нас, мертвых, что век свой прождали Христа.
Он, Прекрасный Жених, Божий Сын, от Отца получивший науку,
Вмиг услышит разверстые криком восставших уста.

И, лампады подъяв, напоенные милостью Божьей,
Тотчас выйдем, чтоб следом за Сыном прекрасным войти
В Его царство, туда, куда прочим войти невозможно,
Как наследники, делом и верой своими дознавшись пути.

ЦИКЛЫ

Томас Стирнс ЭЛИОТ

ПОЛЫЕ ЛЮДИ

Мистер Курц — он умер

Подайте старому Гаю

1.
Мы полые люди,
Мы фаршированные люди,
Клонимся вместе,
Головы полны соломы — увы!
Голос наш сух, когда
Мы шепчем вместе,
Бессмысленно и тихо,
Как ветер в сухой траве,
Или крысы шелест по битому стеклу
В нашем сухом подвале.

Образ без формы, тень без цвета,
Парализованная сила, жест без движения.

Те, что прошли
С ясными взорами в царство другой смерти,
Помните нас — если будете помнить — не как
Потерянные мощные души, но только
Как полых людей,
Фаршированных людей.

2.
Глаза, которых боюсь во сне, —
В царстве мертвых снов
Они не появятся:
Здесь глаза — это
Солнечный свет на разбитой колонне,
Здесь, где танцуют деревья
И голоса
Слышатся в пении ветра

Отдаленней и торжественней,
Чем падающая звезда.

Позволь мне не приближаться
К царству мертвых снов,
Позволь мне только носить
Лживые эти одежды:
Крысы костюм, перья вороны,
Пугалом стоя в поле,
Бессмысленным, словно ветер, —
Но только —

Не эта последняя встреча в сумеречном королевстве.

3.
Это мертвая земля,
Это — земля кактусов.
Здесь каменные идолы
В небо вздымаются и принимают
Молитвы воздетых рук мертвецов
Под миганием падающей звезды.

Не так ли и здесь,
В царстве другой смерти,
Пробуждаясь одни,
В час, когда мы
Дрожим от нежности,
Губами, рожденными для поцелуев,
Мы обращаем молитвы
К обломкам камней.

4.
Глаза — не здесь,
Здесь — нет глаз,
В долине умирающих звезд,
В полой долине
Без выхода — в нашем
Потерянном царстве

В этом последнем месте встреч
Мы сходимся вместе
И отвергаем речи,
Собравшись на берегу
Вздувшейся этой реки.

Незрячи, пока
Не явились глаза,
Подобные вечной звезде,
Многолепестковой розе
Сумеречного царства смерти —
Единственной надежде
Пустых людей.

5.
Мы водим хоровод вкруг кактуса,
Кактуса, кактуса,
Мы водим хоровод вкруг кактуса
В пять часов утра.

Между идеей
И реальностью,
Между побуждением
И действием —
Ложится тень —
Ибо твое есть царство
Между замыслом
И воплощением,
Между чувством
И чувством ответным
Ложится тень
Жизнь так длинна
Между желанием
И порывом,
Между возможностью
И существующим,
Между сущностью
И проявлением
Ложится тень
Ибо твое есть царство

Ибо твое
Жизнь так
Ибо твое есть

Так грядет конец мира,
Так грядет конец мира,
Так грядет конец мира,
Не взрывом, но всхлипом.

1970 г.

СПАСИБО, ГОРЬКИЕ ТРАВЫ

Тане Данильянц

I.
Сладкие травы
Горькие травы
Сладкие — горькие
Горькие — сладкие
Так и растут вперемешку
сладкие-горькие-сладкие
горькие-сладкие-горькие
сладкие
горькие-горькие-горькие
горькие...
Ничего нет слаще сладких трав
ничего — горше горьких

Переберу по стебельку
бесконечное поле
от семи до семидесяти

II.
Среди сладких трав
и среди горьких трав —
светло ему на свете

Бредет по полю улыбаясь
сочная травинка в зубах
белая рубашка и брюки —
в зеленой травяной крови
пальцы — в свежих порезах

Бредет себе улыбаясь
парит над травами
над сладкими травами
над горькими травами
царит

III.
Заблудилась
зеленая травинка
между желтых осенних
мягкая —
между сухих и колючих
сладкая —
между горьких

Клонится на ветру
а поет
сладко так
а эти вокруг
глухо шуршат
убегая от нее
как от пламени
и летит над полем весеннее:
С небесных кругов слетел Гавриил...
...Лобызаше и ласкаше...
...Зачнеше сына
Эммануила...

IV.
Солнце — луна
луна — солнце
тьма — свет — тьма — свет — тьма
Тютчев — Пушкин — Пушкин —
Тютчев
сухие травы и сочные как трава
осенние травы и весенние
травы горькие
и травы сладкие
и мы плывем пылающею бездной
со всех сторон окружены
и пунша пламень голубой
и солнце русской поэзии
и ее луна
перебирающая белыми пальцами
сладкие травы
горькие травы

долгие травы
черных твоих волос

V.
А горькие
все равно горше
чем вся сладость сладких
и зелень зеленых
горькие — горьки
как хина
как хна
как ... на! —
на просьбу о помощи
как пегая хна
на сухих травинках волос
еще вчера
воронено-черных

VI.
А в самом конце поля
нет ни горьких трав
ни сладких
нет негорьких трав
нет несладких

Пустая одежда скрючившись
неподвижно лежит
в тени высохших трав
качаемых серым ветром
Спасибо!

Горькие травы
сладкие травы
горькие — горькие
сладкие — сладкие

Не видно полю конца

Спасибо!..

БОЛЬНОЙ СКОРЕЕ МЕРТВ, ЧЕМ ЖИВ!

Кто куда, а я в больницу!

1.
Медсестра Светлана
Светлый ангел
Неслышно влетела в палату
Разбудила ласково
Взяла кровь
Как будто во сне

Медсестра Анжела
Черный ангел
Подошла к кровати
(Я уже ждал полчаса)
- Руку дайте —
Воткнула иголку
И ушла

Немного крови
Еще осталось
Приходите завтра
Девочки
Слетайтесь
Ангелы

2.
Из больничного окна
Зелень кладбища видна

Хорошо было в прежние времена:
При каждой больнице
Свой погост

3.
Умный главврач
Строил эту больницу:
Первое отделение — родильное
Десятое — морг

4.
Веселый разговор:
В 6.30 утра–
о самогоне
В 6.45 — о водке
В 6.50 — о бабах
В 7.00
приходят за кровью

5.
Прозрачный карман халатика
Пятисотка в нем
Намек?
Указание?

6.
Ажурная беседка в больничном дворе —
Будто только из ландшафтного парка —
Все равно напоминает
Кладбищенскую часовню

На трансформаторной будке рядом
Нарисованы деревья
Те самые
Что стоят вокруг
Только еще ярче...

7.
От диабета лучше всего:
Заварить в банке
Двадцать листов лаврушки
И выпить в течение дня

От давления
Сухой чеснок
(Такие таблетки,
Вроде кремлевских, только дешевле,
Продают в лавке жизни)...

8.
Это что, тоже стихи?
Да, Герман, не сомневайся!

9.
— Куда меня?
— В морг
— Но я же еще живой
— Доктор сказал в морг — значит в морг

10.
Не пой, красавица, при мне,
Ты песен Грузии печальной:
На холмах Грузии лежит ночная мгла!

11.

12.
Не может быть слишком счастливым,
И слишком понятным поэт,
А быть знаменитым — красиво,
А вот некрасивою — нет!

И как не мечтай ты о чуде,
Как душу не двигай в цеха —
Поверь, в неказистом сосуде
Не вырастить и лопуха!

13.
Внимание!
Сопроводительные листы для вывоза умерших должны быть сданы в СТС не позднее чем через час после констатации смерти. Заявки сданные позже не будут выполняться отделением. В случае опоздания звоните. Телефон 3-69.

14.
Ящик свой замкни, Пандора,
Чтоб не сыпалось в ночи...
Ходит смерть по коридору,
Колотушкою стучит.

Этот, слева, с белой уткой,
Умирает не спеша —
Он лежит вторые сутки.
С ней взлетит его душа.

Эта — стонет и не помнит
В жизни прошлой — ничего
Этот... впрочем, столько комнат,
Этажей и корпусов.

И больниц таких — несведа
Меж просторами полей.
Смерть гуляет, как победа,
Глохнет птичка соловей.

15.
...четверть из тех, кто пострадал от инсульта, погибает в течение первого месяца, еще 30% — в ближайший год, а вернуться к полноценной (в полном смысле слова) жизни удается менее чем 20 %...

16.
Пушкин вовремя скончался —
Знать, прошла его пора.
Тютчев по свету скитался —
Ни кола и ни двора.

Рухнул Лермонтов опальный
(негодяю поделом —
см. воспоминания Мартынова в кн.: Лермонтов в воспоминаниях современников).
Фет, унылый и печальный,
Шевелит в пруду веслом.

Войны, беды, лихолетье —
Звук понятный, но пустой,
И сидит в конце столетья
Бородатый Лев Толстой.

Он разделался с Шекспиром,
Всех поэтов упразднил.
...И уснул в тени сортира
Непобритый Велимир.

17.
— Куда меня?
— В морг
— Но я же еще живой
— А мы же еще не доехали.

18.
МРТ
Это чем-то похоже
На воспоминания
Побывавших между жизнью и смертью:

Вокруг все белое
И шум —
Как будто за стеной
Сверлят или отбивают молотком штукатурку
Долго и ритмично

К этому быстро привыкаешь
И начинаешь думать
И даже дремать

19.
— Пациент скорее жив, чем мертв,
— Пациент скорее мертв, чем жив.

20.
Тот псих из коридора
Сначала был тихим и спокойным
Даже вежливым
Потом начал ко всем приставать с вопросами —
Например, какой сегодня день
И почему суббота продолжается уже три дня

Вечером
Поймал меня в коридоре
И сообщил, показывая в окно:
Вот, смотрите, за мной приехали
Милиционеры с ротвейлером

Потом начал кричать на весь коридор
Говорят, в клочья разорвал подушку.

Потом пришел охранник
И отвел его на пятый этаж
К настоящим психам

21.
поднести огнетушитель
к месту загорания

прочистить спрыск огнетушителя иглой

перевернуть огнетушитель на сто восемьдесят
градусов

перевернуть огнетушитель
вверх дном, активно
его встряхнуть

и направить струю пены
в очаг пожара!!!

(*не использовать*
для тушения
электроустановок...)

22.

ИРРАДИАЦИЯ

— Это лекарство, больной,
Вам пока пить не стоит:
у Вас начнет путаться сознание...

— У Вас, больной, иррадиация идет по левой ноге...

— А ты что, сидел?
— Сидел.
— А у меня сын год сидел. После Афгана. И сидел, и женился, и развелся.

А потом утонул. Сейчас в Долгопрудном. Место для нас с матерью занял...
Ach Gott, vom Himmel sieh darein
und laß dich's doch erbarmen,
wie wenig sind der Heilgen dein,
verlassen sind wir Armen,
dein Wort man nicht läßt haben wahr,
der Glaub ist auch verloschen gar
bei allen Menschenkindern.
— А мы там знаешь как брились?
Sie lehren eitel falsche List,
На сорок человек два лезвия «Нева» давали.
was wider Gott und seine Wahrheit ist,
Они затупятся сразу — и все.
und was der eigen Witz erdenket,
Мы из обуви супинаторы вынем,
заточим их о камень — и броемся...
o Jammer, der die Kirche schmerzlich kränket,
das muß anstatt der Bibel stehn.
— А моего сына из озера выловили — уже мертвым. Дочка осталась, на автосервисе работает. Цвет для машин на компьютере подбирает. Уже тридцать, никак замуж не выйдет. Своя машина у нее, «Вольво». Хорошая машина.
Tilg, o Gott, die Lehren,
so dein Wort verkehren.
Wehre doch der Ketzerei
und allen Rottengeistern;
denn sie sprechen ohne Scheu,
Trotz dem, der uns will meistern

У бабки под Владимиром — хорошо. На кладбище придешь, посидишь на ветерке. Тихо так, машин нет. Поп радуется — каждый день старух таскают. А воздух — за день не надышишься. Только собаки лают.
Die Armen sind verstört,
ihr seufzend Ach, ihr ängstlich Klagen
bei soviel Kreuz und Not,
wodurch die Feinde fromme Seelen plagen,

Мой зять — здоровый был такой бугай — пошел в больницу,
они его послушали, говорят — иди на анализы. Он вышел
из больницы, взял пива, на крыльцо вышел — и брык.
Насмерть. Инсульт.
dringt in das Gnadenohr des Allerhöchsten ein;
darum spricht Gott,
ich muß ihr Helfer sein.
Ich hab ihr Flehn erhört,
der Hilfe Morgenrot,
der reinen Wahrheit heller Sonnenschein
soll sie mit neuer Kraft,
die Trost und Leben schafft,
erquicken und erfreun,
ich will mich ihrer Not erbarmen,
mein heilsam Wort soll sein die Kraft der Armen.
Тут по телевизору их показывали: больного привезли после
аварии, живой еще. Главный врач сразу звонит в Израиль:
приезжайте. У него почки вырезали, сердце, глаз один.
Потом судили их. А у бомжа что возьмешь — у него все
органы больные, их и не купит никто
Tilg, o Gott А у меня сын die Lehren
год сидел. so dein Wort После Афгана verkehren
Wehre doch И сидел, и der Ketzerei
женился, и развелся. und allen
Rottengeistern; на автосервисе работает.
denn sie sprechen На кладбище придешь
ohne Scheu, на крыльцо вышел
Trotz dem, У него почки вырезали
der uns will meistern...
— Мальчики, можно потише. Тут молодой человек в
коридоре уснуть не может. А вы все смеетесь
Der eine wählet dies, der andre das,
die törichte Vernunft ist ihr Kompaß,
— Эта больница, говорят, на первом месте в Москве по
смертям...
sie gleichen denen Totengräbern...

23.
...является препаратом ноотропного действия, который прямым воздействием на мозг стимулирует когнтивные (познавательные) процессы, такие как способность к обучению, память, внимание и сознание, умственная работоспособность как у животных, так и у людей...

24.
— Пациент скорее мертв, чем жив.
— Пациент скорее жив, чем мертв.
— Пациент,
скорее...

Апрель 2004 г.

ЕРШАЛАИМ

(Сон)

* * *

Раннее утро.
Птицы поют.
Совсем как у нас.

Нет, у нас еще не поют.
Или уже?

* * *

Нельзя не заплакать
Стоя у стены плача

Когда старый ребе
Держит тебя за руку
И повторяет имена дочери и жены
Благословляя их
Не видя и не зная
Заочно
Через две тысячи километров

* * *

библейский старик
входит в автобус
садится напротив
достает из старой коробочки
старую книгу
и начинает читать

* * *

в другом автобусе
с любопытством разглядывает меня
красивая девочка
потом обращается ко мне —
я не понимаю ни слова
бормочу sorry —

она
отворачивается к окну

* * *

красивые молодые мужчины
в черной униформе
входят в автобус и выходят из него
на каждой остановке
быстро идут, почти бегут, по улицам
беседуют друг с другом на тихих улочках
их тьмы и тьмы и тьмы...

* * *

красивые дети с разноцветным мороженым
заняли в кафе все столики
весело переговариваются
смеются

если бы не солдатская форма
и тяжелые автоматы
особенно у девочек...

* * *

мобильник в автобусе
(его здесь называют пелефон)
раз за разом играет
Подмосковные вечера
в ответ —
поток иврита вперемешку с английским...

* * *

желтые горы
ничем не отличаются
от желтых домов
сделанных из этих гор

а вот это — арабская деревня, —
объясняет Лена,
указывая на современный микрорайон
на соседней горе,

километрах в двух, —
туда ходить не надо — убьют
они всех убивают...

* * *

в конце недели
понимаю несколько слов:
беседер
иоффе
шолом
беседер
ма на шма

беседер

* * *

сидим втроем за столиком
ашкеназского ресторанчика Дойч
подозрительно напоминающего кафе советских времен
где-нибудь в Большеглушицком районе

колоритные ребята
подают блюда с интригующими названиями
которые оказываются обыкновенной запеканкой
или резаной морковкой

говорим о разных пустяках
сразу на трех языках
трех великих народов

* * *

«когда привели нас в Иерусалим,
были мы как во сне»

сон продолжается
птицы поют

ИЗ ВЕНЕЦИИ

1. ...на фреске, спрятанной глубоко в нише
святой Христофор Тициана
по щиколотку в зеленой венецейской воде
на фоне башен и соборов
вечно тонущего города...

2. Рай Тинторетто — темный как Эль Греко,
похож на гигантскую кисть
черного винограда
просвеченную золотыми лучами
ангелов...

3. Мадонна ди латто —
только лицо
и обнаженная грудь
с жадно прильнувшим
младенцем...

4. Человеческое, слишком человеческое
страдание
на живом
искаженном мукой лице Марии
и мертвом, ничего уже не выражающем
лике Христа
голову которого
мать обнимает
на страшной картине
Беллини...

8. Слишком много человеческих лиц
заслоняющих страдание Христа и его матери
в этих oil on canvas —
замасленных
четыре века назад
огромных тряпках

9. Пьетро Венециано —
византийский живописец родом из Венеции

разве только одежды чуть поярче
чем у нас в России...

10. И снова гигантская
виноградная кисть Тинторетто
странный рай у него получился —
бессветный бездонный...

у открытого окна
люди стоят дольше,
чем перед самой известной
картиной

щелкают затворами камер
(в ту сторону — можно)
курят
смеются...

11. Кони Сан-Марко
увезенные восемь веков назад
с византийского ипподрома
теперь зеленеют в музее —

на их месте стоят новенькие
но такие же позеленевшие
новоделы
без прошлого...

поэтому и свободны они
как птицы
висящие в воздухе

а в нашей Венеции, северной —
на каждом коне —
истукан
или хотя бы упряжь...

18. Здесь даже для Босха
нашлось свое место —
дожи спрятали в задней комнатке

четыре его картинки
кажущиеся совсем миниатюрными
после гигантских Веронезе и Тинторетто

тут и маленький адик
и крест
с распятой вместо Христа грешницей
в ярких одеждах
и отшельник
сладострастно подглядывающий за ней
через дырочку в стене своей пещеры

и солнечный коридор
из голливудского фильма

и пылающие горы
(тоже оттуда)

тот самый Босх
которому мы
(вместо Христа)
молились в нашей прекрасной безбожной юности...

20. Спустя несколько часов понимаешь —
в этом городе нет автомобилей
зато постоянно пахнет свежестью —
от воды и от развешенного повсюду белья

мало кошек
зато много собак
по которым можно опознать
идущих рядом с ними на поводке местных жителей

много шумных студентов
мало детей
много карнавальных масок во всех витринах —
очень много пиццерий
тратторий
ресторанов
баров

кафе
лавочек

и люди
люди
повсюду...

в открытых окнах
и в тесных улочках

а еще —
в темных переулках
замаливают наши грехи
каменные мадонны
забытые святые
знаменитые венецианцы
прошлых веков...

23. сколько святых
в названиях этих улиц
площадей
переулков
пристаней

Сан-Джорджио, Сан-Поло, Сан-Лоренцо, Сан-Казомо...
(всегда с Сан — никакой фамильярности)

праздными камушками
переливаются на солнце их имена
перекликаются
в разговорах по мобильникам —
а ты где ...

24. ...здесь даже вокзал
называется как собор или соната —
ферровиа

зато самой музыки
очень мало

кроме афиш
да еще трех маленьких оркестриков
в ночных кафе на Сан Марко
наперебой играющих Бизе и Боккерини
Рота
Керна
даже Очи черные —
по две скрипки, фоно, контрабасу, аккордеону,
кларнету...

люди стоят и слушают
потом аплодируют
и расходятся

а наш родной англоамериканский рок
я слышал здесь только однажды —
с проплывавшей мимо грузовой гондолы
полной городского мусора
которой стоя (как положено) правил веселый малый

и еще — Воларе и Соло миа под мостом Риальте
их пели два дорогих гондольера
в специальных нарядах
для богатых туристов
прямо под проливным дождем
держа над клиентами раскрытые огромные зонты

звонко и заразительно...

26. Неторопливо
прячется себе под крыло
упитанная чайка

на площади перед собором святого Марка
пахнет морем...

27. наконец-то
я забрел в настоящую
не для туристов выстроенную
Венецию —

появляются тупики
пестреют вывески
подряд
дантиста
аввоката
филле-то-путана
афиша рок-группы Зона ди бандитто
лавка кошер

со всех сторон —
такие родные лица:
Мастрояни
Мазина
Сорди...

28. Сколько разных слов
придумали здесь
чтобы называть кусочки городского пространства —
калле, кампо, кампетто, рамо, понте, фондаменто

(виа и виале почти нет)

звучит почти как музыка
так и не услышанного мной на это раз
всепогодного Вивальди...

29. В храме тихо и пусто
со стен глядят византийские святые

их маленькие фотографии разложены повсюду
можно взять на память
положив в прорезь любую монетку

можно спокойно побеседовать с Богом
не опасаясь злых старух и юродивых

хоть и висит у входа
предупреждающее:
ведется видеонаблюдение...

31. Из узких переулков
выскакивают одинаковые синьоры
с черными волосами и в черных платьях

с грохотом проволакивают по брусчатке
свои неподъемные чемоданы
степенные американцы —

в какую же даль
отправил их родной техасский (или иллинойский)
туроператор
поедающий очередной толстенный гамбургер —
одним нажимом безразличной ко всему
белой клавиши
(росчерком пера — сказали бы раньше...)

32. На разбросанные между домами соборы
тут никто не обращает внимания
(не пялится и не фотографируется,
как в нашем любезном отечестве)

без табличек
непросто понять
какой именно век
означает этот тип кладки
форма купола
разрез окон

все кажется поэтому таким же древним
как весь христианский мир...

33. Многоголовый дракон
пугает деву похожую на Марию

— напротив
отважный Георгий
пронзает его
уменьшившегося за это время
раз в пятьдесят
миниатюрным красным (от крови) копьем

— прямо в огненную пасть

смиренно и равнодушно
смотрит на это с противоположной стены купола
мученица-дева...

34. Калле ди Мадонна
оканчивается тремя замшелыми ступеньками
прямо в зеленую воду

— так и видишь ее
мадонну
спускающейся вниз
как русалка...

35. Отвратительный нищий
испражняется у всех на виду
прямо на набережной Сан Марко

семейство вьетнамцев
ужинает, расположившись на грязном одеяле
у входа вокзал

спит оборванец
на холодной скамейке
у входа в собор...

37. красивые женщины в разноцветной форме
проверяют в поезде билеты
чалят катера к многочисленным венецианским
причалам
смеясь передвигают тяжелые контейнеры с мусором
с берега в грузовой катер

африканка в нелепой шляпке
волочит за собой ярко-красный чемодан на колесах

пока ее соплеменники
беспечно скалятся
предлагая прохожим кожаные сумки и зонты

40. Аривидерчи, Венеция!
Чао!
Поезд трогается так легко,
что не сразу понимаешь, что он едет,
летит в Местре (и дальше)
по узкой дамбе
окруженной мутной зеленой водой

слева мелькают автомашины (вот и появились!)

мелькнули прощальные львы —

не вернусь сюда больше
не смогу забыть эту воду
блестящую повсюду
этот вездесущий запах свежести
тишину соборов
и многоязычие туристов
аривидерчи!

ЗАПИЛЕННЫЙ ВИНИЛ

(WHEN THE MUSIC OVER)

HIT THE ROAD JACK

Красавчик Вена Красоткин из А-класса —
Вылитый Элвис —
С новенькой блестящей польской гитарой
Прыгает по низкой сцене
В школьном актовом зале

Из него вырывается
Хриплый голос Рея —
Один раз, другой, третий — на бис! —
Безудержно заходится в танце весь зал.

Учителя вышли,
Чтобы не видеть этого безобразия.

...А потом медленно, с оттяжкой
Венка начинает свое коронное:

Be-bop-a-lula,
She`s my baby

Смотрю на притихшую разгоряченную одноклассницу:
правда my?

Через пятнадцать лет
Наконец, достал двойник Чарлза —
Geatest Hits или Best —
Уже не помню.

Поставил крутиться
HIT THE ROAD JACK

А Венка к тому времени уже умер
Кажется.

CAN`T BUY ME LOVE

...Как у нас переводили шутники —
«Кент бабу ловит».
...Играем в школьном дворе в футбол
И вдруг как один замираем
Из окна в доме напротив,
Того самого,
В которое время от времени
Со страшным шумом
Ударял наш мяч,
Так что казалось,
Окно вот-вот со звоном разлетится —
Из этого самого окна
Вдруг зазвучала эта музыка
Казавшаяся нам тогда
Абсолютным совершенством

А может быть,
Так оно и есть,
Или было, по крайней мере...

LET IT BE

Как молитву —
Сколько раз
Мы заводили ее хором
Покачиваясь в такт
Всем сердцем обращаясь
К Mother Mary
Надеясь,
Что она вот-вот Comes to me

Русская Мария
Тогда в Россию
Еще не вернулась...

O MY LOVE

Возможно, это и правда было
for the first time in my life —
продуваемые ветром ночные подворотни
губы, пахнущие дешевым куревом
и сухим вином по 97 коп.

SATISFACTION

Вдруг увидел самопальную запись на видике
Как Андрей с ивановским пареньком
В легком вдохновенном подпитии
Яростно лобают I can get no
Для полного подвала восемнадцатилетних

Эти слова
Всегда казались мне значащими намного больше
Может быть, говорящими о самой сути бытия

Особенно
Когда их подтягивал в компании
Мишка Богомолов —
Так похожий на молодого Джагера —
Тот самый
Отец которого
Прыгнул под поезд,
Узнав, что сыном занимается контора

Несколько дней сидел одиноко на скамейке у Казачьего переезда
А потом прыгнул

Потом
Мишка дал мне свою машинку —
печатать бумаги для кандидатской

Потом
Я встретил его случайно в метро

Теперь он какую-то организацию создал
Вполне официально

Надо бы позвонить —
И все равно
Я так и не понимаю почему
I can get no
SATISFACTION

JIM MORRISON

Please show me the way
To the next whiskey bar
Не бойся,
Нас никто не услышит
И не пойдет следом.

И такое безнадежное Waiting for Sun
Посреди вечной ночи
И игрушечный заводной Soft-Parade
И загадочная прекрасная LA Woman
В звездном платье

Все это продолжает звучать во мне даже
When the Music over

Всегда
Пока я жив

VOODOO CHILE

Тогда
Все называли это фузом
(Помните, у Майка кажется —
«Нажав на мощный фуз»).

Сашка Воробьев
Нота в ноту
Выводил специально для растрепанного Малецкого
Foxy Lady, Seventh Stone и Voodoo Chile —
Разумеется
Long version
Она покруче будет.
Не то что slight return.

Малецкий
Живет теперь далеко, в Германии,
Пишет очень приличную
И очень православную
Русскую прозу.

В этом году
Наконец добрался до Прадо
И посмотрел Веласкеса

Теперь все — говорит
И начинет рассказывать
Что у него в ноутбуке
Есть и Колтрэн, и Страсти по Матфею, и Хендрикс
А тогда
Сашка транслировал со сцены Паруса
Голос Бога.
А может быть
В эти минуты
И был им.

SUMMERTIME BY JOPLIN

Надрывная Джанис
Которой давно нет на свете
Будто родной человек
Которому очень плохо

А так и не скажешь
Глядя, как она улыбается
Вцепившись в руль огромного Харлея

И под этот плач
Обнявшись в полной темноте
Танцует любовь

Под колыбельную
Плавно переходящую
В страстное желание
Цветного телика и новенького Мерседеса —

Который O God, want you buy me

ALASKA COUNTRY

Неожиданно
Этот, не самый популярный альбом Scockin

Оказался в машине Димы Григорьева,
Когда мы возвращались из Старой Ладоги.

Маришка
Пыталась своим отчаянно хриплым голосом
Перекричать все питерские автомобили сразу

Не Venus,
Заезженный рекламой и русскими писателями средней руки,
А та самая шаманская Alaska Country,
Под которую

Seven is the Number
In Magic

Недавно
Маришка вдруг умерла.

Дима объявил об этом
На фестивале в Твери
Между стихами.
Самым дорогим,
Что у нас есть.

SINCE I`VE BEEN LOVIN` YOU

Так и есть
Буду любить тебя
Пока длится этот длинный (7`25) тягучий блюз —
Особенно после жесткого и быстрого Celebration

Стаканы пусты.
Пиво кончилось.
Ставлю четвертую дорожку пятый раз подряд.

...А еще был вариант альбома
С вращающимся диском...

HAIR

My long beautiful и так далее
Два десятка эпитетов

Именно такими я тогда и представлял
Свои hair,
Легким движениям
Откидывая их назад
После мытья —

И задумывался —
Ведь это о нас —
As the moon
Is here in seven month
And Jupiter
Alined with Mars

Все помню наизусть
От слова до слова
Каждое перышко
На головах тех ряженых индейцев
С обложки диска

Ведь и правда
Manchester England England
И для нас тогда был
Across the Atlantic Sea

Даже дальше

И даже сейчас.

Love
Sex
Freedom
Happiness...

STAIR AWAY TO HEAVEN

Эту лестницу
Я слишком хорошо знал.

Именно на ее ступеньках
Часами, как битовский Мальчик,
Сидел под твоей дверью.

По ней
Стремительно бежал к другой двери,
Заведомо открытой.

Увы,
Небеса так и не открылись.

Наверное,
Просто не хватило денег,
Чтобы купить
Эту лестницу
В единоличное пользование.

Но ведь Она,
Говорят, купила...

MY SWEET LORD

Лично я больше любил Art of dying —
Именно этот текст
В неуклюжем подстрочном переводе
Прислал мне в письме
Коля Епифанов
Из Оренбургской области,
Где он тогда служил в армии.

У него на стене
Висел грозный плакат:
«Противник подслушивает!» —
Но что нового он мог услышать:
Мелодичную молитву Джорджа,
Которой тогда подпевал весь мир
Или грустную песенку о том,
Как надо умирать?

SYMPATHY / RARE BIRD

And sympathy — that`s all you need, my friend! —

...Особенно это трогательное my friend в самом конце строки,
Когда все уже, вроде бы, сказано,
Однако и размер требует завершения строки,
И — это главное — надо к кому-то обратиться,
За кого-то зацепиться...

Может быть,
Тогда нам всем действительно
Была нужна ТОЛЬКО симпатия
Наших близких
И особенно неблизких,
Всех

Танцуем ритуальными парами,
Близко-близко прижимаемся друг к другу,
Почти задыхаясь от кислого запаха пота
(Дезодоранты нам тогда были недоступны,
Да и не знали мы об их существовании), —
На этом сомнительном пути
От вечного гордого одиночества
К чьей-то мимолетной симпатии...

TAKE A PEBBLE

...Будто сам стоишь на том берегу
И смотришь на круги по воде
Которые расходятся под руками Эмерсона

Пока Лейк
В очередной раз
Меланхолически призывает
Just take a pebble

Ведь бросать его можно
В течение всей жизни.

SUPERSTAR

Когда спустя тридцать лет,
Я наконец оказался
В самом сердце Земли Обетованной —
На развалинах старинного римского города
Неподалеку от Цфата
Мне показали тот самый крест
На котором был тогда привязан
Изображавший Христа Ян Гиллан

Этот крест
Установил Норман Джуисон во время съемок —
Чей-чей сын, —
Пошутил кто-то
Кто это — Джуисон
Что за фильм
Стали переспрашивать остальные

А я вспомнил
Потрясенного Венку Вышковского
И что, он для них столько сделал —
И они
Отправили его на смерть

Евангелия он тогда
Еще не прочел...

АНТОНИО СОЛЕР. ФАНДАНГО

Интересно, слушал ли Равель эту музыку
Прежде, чем приняться за Болеро

Те же расходящие круги
От центра к вечности

Тот же
Круг за кругом
Нарастающий трагизм

Красное вино в граненых стаканах
Сидим в темноте вчетвером
Осторожно обнимаю ее —
Ей, как мне
И хорошо, и страшно...

LOCOMOTIVE BREATH

Station one by one
Одна за другой проплывают за окном вагона

А потом такое нежное буре из Баха —
Волшебная флейта Андерсона
Звук которой

До сих пор висит в моем воздухе
Рядом с нищенским плачем
Глюковского беглеца.

ДЖОН ЛОРД. САРАБАНДА

Звук, словно из музыкальной шкатулки осьмнадцатого века
(есть такая в таллинском музыкальном музее)

И все-таки что-то
Оказывается выше механики —

Может быть,
Эти загадочные клавиши,
Которые неторопливо перебирает Лорд...

INTERMEZZO

Итальянское Дива
По-русски звучит как диво —
Диво-дивное

Волшебная колоратура
Звучащая словно с небес
С третьего яруса балкона
Заполнившая сначала весь огромный зал,
А потом — и всего меня.

Потом
Мы рядом сидим за столом.
Совсем близко.
Я подливаю тебе красное вино.

Это словно сон —
В жизни так не бывает.

Потом
Среди ночи
Ты улетишь отсюда
В другой конец мира
Не попрощавшись
Как и положено ангелу
Или мелодии...

THE SEVEN LAST WORDS
(очерки прикладной геронтологии)

Вместе со старостью
подползают страхи:

незамкнутой двери
и непогашенного огня,
незнакомца в ночном дворе
и красивой девушки напротив.

Отводишь глаза,
ускоряешь шаг,
возвращаешься к запертой двери

Не забывая
бросить взгляд
в зеркало

1. ОДОРИСТИКА

Омрачих душевную красоту страстей сластьми

Старость пахнет
застиранным бельем
и гнилыми зубами,
лекарствами и мазями,
калом и мочой.

Болью и одиночеством.

Уже не пахнет
ни женщиной, ни мужчиной.

Позади у нее —
прекрасные воспоминания
о городах и лицах,
прикосновениях и рукопожатиях,
о триумфах и почестях,

бывшем и несбывшемся,
о НЕВОЗВРАТНОМ....

Впереди —
болезни,
болезни,
болезни.

Чур меня, чур!..

Что-то
не получается...

2. ХРОНОЛОГИЯ
(Старик и время)

и вкусила еси дерзостно безсловесныя снеди.

Его и правда
остается совсем немного:
несколько лет,
месяцев, может быть, даже дней,

Но:
уже нет сил торопиться
делать что-нибудь для дела,
для себя,
для других...

Он просыпается среди ночи,
рано встает,
бессмысленно бродит по квартире.

Мучительно бреется,
долго готовит себе
завтрак, обед и ужин.

Идет в магазин за едой,
сотый раз перечитывает
старый детектив.

Моет посуду,
убирает и разбивает постель.

Когда вдруг позвонит внук,
долго и подробно перечисляет ему,
как много он сегодня успел.

И идет в ванную.

3. ЭСТЕТИКА

Вонми, небо, и возглаголю

В тысячный раз
слушает в одно ухо
(шнур дешевых наушников
давно перетёрся)
одну и ту же музыку —
Канон покаянный
преподобного Андрея Критского

(когда-то,
много лет назад,
старый приятель,
увидев у него в руках эту книгу,
с пониманием покачал головой:
«много же ты нагрешил!»)

- великую песнь
тщете существования
и неизбежности греха
и такой же неизбежности
покаяния,
наказания
и прощения.

Неведомые в детстве
слова молитвы
каждые две минуты
прерывают чтение.

Он неподвижно лежит на спине
со стареньким плеером
около сердца.

4. МНЕМОНИКА

Откуда начну плакати окаяннаго моего жития деяний?

Что ни час
всплывает в памяти
новое воспоминание.

Обычно —
из очень далекого
прошлого:

смеющееся лицо молодой матери,
безлюдный берег озера,
песок с мелкими камушками,
неосвещенная деревянная лестница
в старом двухэтажном доме
старое согнувшееся дерево за окном,

вкус губ,
смятых первым неопытным поцелуем,
ужас первой ночи любви
и первой измены...

5. АКУСТИКА

Облекохся в раздранную ризу,
юже изтка ми змий советом,
и стыждуся

Как ни странно
глухота приходит очень медленно
и как-то неравномерно:

слова красивой молодой женщины,
сидящей рядом в зале ресторана

и пытающейся перекричать музыку,
уже не слышишь,
только киваешь согласно головой
и молчишь —

Но оставаясь один в пустом доме
замечаешь и опознаешь
каждый шорох за стеной:

безошибочно угадываешь,
на каком этаже женщина зашла в ванную,

по тембру кастрюль
определяешь меню многодетной семьи,

по звуку упавшей монеты
узнаешь ее цвет
и достоинство...

6. ТЕХНИКА БЕЗОПАСНОСТИ

Достойно из Едема изгнан бысть

Внук под окном
запальчиво объясняет бабушке:
70 лет назад
войны еще не было.

Она возражает:
Вот мне 85! —

Дальше не слышу.

Мальчишка уже отвлекся
и помчался навстречу товарищу.

Вспоминаю вчерашний рассказ
знакомого старика
о том, как строго поэта,
жившего в одиночестве,
насмерть забили в подъезде подростки —
чуть, наверное, постарше этих.

...И вот думай каждый раз:
закрывать дверь,
когда остаешься один,
или держать открытой
на всякий случай.

7. THE END

Приближается, душе, конец

Когда я ослепну —
буду смотреть сны:
зеленое мельканье леса за окном вагона,
серые волны моря,
любимые лица —
пока не забуду.

Когда оглохну —
буду вспоминать что-нибудь изысканное, но нехитрое —
Орландо ди Лассо
или Gentle Giant,
шорох тех самых волн,
шепот тех же любимых, —
или нет —
лучше пение птиц за окном
рано утром.

Когда перестану двигаться —
останется жжение пяток от волжского песка
и ожидание достоевской встречи
за очередным питерским углом.

Когда умру —
птицы умолкнут,
а экран медленно погаснет

и уже не смогу
вытащить последнюю занозу
из мертвого пальца

1999–2008 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕРЛИБРЫ

«мои стихи...» 12
FOR NO ONE 13
«Все тише поют птицы...» 14
«Жаркое лето...» 15
«Жизнь без стихов...» 16
«Противоестественность...» 17
ЛЕТО 18
ЧИТАЯ «ВРЕМЯ «Ч» 19
«Набираешь «100»...» 20
«Разбегается по лысым холмам...» 21
ЛАТВИЯ, 1989 22
СОН И Я 23
«первая рубашка...» 24
«светлая ниточка на одежде...» 25
« Ах, она мне здесь...» 26
«Почему лукавил...» 26
ПРО УДАРЕНИЕ 27
Чудны дела твои, Господи...» 27
«Приближенье последней зимы...» 28
МОСКОВСКАЯ ГЕОГРАФИЯ–2 29
«Люблю себя...» 30
«“Голубке Машеньке”...» 31
«поздно вечером...» 32
«в московском метро...» 33
КРАТКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ МУЗЕЯМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА 34
МАЙ В ПЕТЕРБУРГЕ 35
«Тихая вода...» 36
Черный жук чемодана...» 37

«Когда они живут, эти люди...» 38
В МЕТРО 39
«боюсь огня...» 40
«Не спи на закате...» 41
«ы всегда...» 42
ГОРОД НЕЛЮБВИ. 43
«...Слова спасителя нашего...», ... 45
НОЧНАЯ МУЗЫКА 46
«...Особенно зимой...» 47
«Природа дала мне речь...» 48
«вои пальцы...» 49
«Ты уходишь...» 50
«Нет музыки....» 51
«Люди думают...» 52
ФОЛКНЕР 53
«Я никогда не удивлялся...» 54
КОММЕНТАРИЙ ПЕРЕВОДЧИКА. 55
«Старые письма...» 56
«Полуразрушенная...» 57
«О ночь...». 58
«Ты живешь около вокзала...» 59
«Черный троллейбус ...» 60
«умер...» 61
Зеленый лист...» 62
«Беззаботной птицей поет Вивальди...» 63
ПЕРЕВОД ИНСТРУКЦИИ 64
«Стать вон той ослепительно белой фигуркой 66

В РИФМУ

«Как долго горят эти старые письма...» 68
«И если друг тебе Платон...» 69
«Вот, наконец, и расставлены точки...» 70
«Кукурузное поле под тусклым фанерным...» 71
«Молчал, скрывался и таил...» 72
ПАМЯТИ ПОЭТА. 73
«...И вольный сон...» 74
ДОРОЖНАЯ ДУМА 75
«Сезон лысеющих лесов...» 76
«Ау, грохочущие дали...» 77

«Год ли пройдет, или два, или три...» 78
«Хриплым голосом выдавив пошлое «буду с тобой»...» 79
«Словно в черную прорубь, спускаюсь в последний роман...» 80
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ 81
«Люд русский жил с Христом, пока, тщеславье нежа...». 83
«В Ковылкино брешут собаки...» 84
«С каждым годом весна все трудней и больнее дается...» 85
«Дно. Семь утра. Замызганный вокзал...» 86
ПОСЛАНИЕ К ЕВРЕЯМ 87
«Я написал послание к евреям...» 88
НОЧЬ И УТРО 89
«Этот город сквозит на ветру бесконечной цитатой...» 90
ДОРОЖНАЯ СЦЕНКА 91
«Как разбежавшийся поезд ныряет в тупик...» 92
«Любви, казалось, длиться целый век...» 93
«Жить, скажем, в Пскове; кончить, скажем, пед 94
ПАМЯТИ ГЕНРИХА 96
«Черный Мебиус вынес тебя из глубин на пятнистом от пяток...» 97
МОСКОВСКАЯ ГЕОГРАФИЯ 98
ДЕЖА ВЮ 99
«Канцер в панцире железном...» 100
НОВЫЙ ПСКОВ 102
«Серый воробышек мертвый, лежащий в пыли у помойки...» 103
НЕТЛЕННЫЙ ВЕНЕЦ 104

ЦИКЛЫ

Томас Стирнс ЭЛИОТ 106
СПАСИБО, ГОРЬКИЕ ТРАВЫ 110
БОЛЬНОЙ СКОРЕЕ МЕРТВ, ЧЕМ ЖИВ! 113
ЕРШАЛАИМ 123
ЗАПИЛЕННЫЙ ВИНИЛ 135
THE SEVEN LAST WORDS 146

Юрий Орлицкий

ВЕРЛИБРЫ И ИНОЕ

Книга стихотворений

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц

Главный редактор серии Андрей Тавров

Макет и верстка Валерий Земских

«Русский Гулливер»
тел. +7 495 159-00-59
www.gulliverus.ru
russian_gulliver@mail.ru

Подписано к печати 00.00.2009. Формат 140 × 200.
Бумага офсетная. Гарнитура NewtonC.
Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Cherry Pie»
112114, г, Москва, 2-й Кожевниковский пер.,12